

К.М.Станюкович. Избранные произведения. В 2-х томах. Том 2.
//Художественной литературы, Москва, 1988
FB2: , 25 April 2008, version 1.0
UUID: 90629197-7fad-102b-9c90-12cbc7843eac
PDF: fb2pdf-j.20180924, 29.02.2024

Константин Михайлович Станюкович

Испорченный день

Содержание

I.....	.0004
II.....	.0011
III.....	.0018
IV.....	.0025
V.....	.0033

**Константин Михайлович
Станюкович
ИСПОРЧЕННЫЙ ДЕНЬ**

В этот ясный и солнечный декабрьский морозный день Дмитрий Александрович Черенин, главный контролер крупного петербургского банка и член нескольких деловых обществ, в пятом часу подъехал к подъезду большого дома на Кирочной, необыкновенно веселый и возбужденный. Неудержимая улыбка счастья и довольства светилась на его красивом, моложавом и умном лице. Черные быстрые глаза искрились.

Он дал извозчику двугривенный на чай, как-то особенно приветливо улыбнулся рыжему швейцару Егору, которого еще вчера за что-то распек, и, взбежав, не переводя духа, в четвертый этаж, нервно и сильно надавил пуговку электрического звонка у дверей своей квартиры.

– Барыня дома? – весело спросил он, тяжело дыша, молодую горничную Пашу, сбрасывая на ее руки шубу с заиндевевшим воротником.

– Дома-с.

– Никого нет?

– Никого.

– Отлично!

И, бросив на стол мерлушечью шапку и перчатки, Черенин, не заходя в кабинет, что обыкновенно делал, возвращаясь со службы, быстрыми и легкими шагами, слегка раскачиваясь своим крепким, плотным корпусом, направился через гостиную и столовую в комнату жены.

В этом гнездышке, видимо свитом заботливой и умелой женской рукой, светлом, уютном и теплом, где весело потрескивали сухие дрова в камине, – на мягком низеньком диванчике сидела, с книжкой журнала в руках, маленькая хорошенькая блондинка, лет около тридцати, с пепельными волосами, гладко зачесанными назад и собранными в пышные косы. Мягкая шерстяная ткань темно-синего платья обливала красивые формы молодой женщины.

При появлении из-за портьеры мужа, веселого и радостного, и эта маленькая женщина вдруг вся засветилась радостной улыбкой, полной любви и сочувствия. Улыбалось ее милостивое личико, нежное и кроткое, отли-

вавшее розоватым цветом легкого румянца, улыбались ее крупные, сочные алые губы, между которыми сверкал ослепительной белизной ряд красивых зубов, улыбались ее большие, карие ясные глаза, глядевшие из-под густых ресниц с ласковой мягкостью любящей и любимой женщины.

– Ну, поздравь, Катя, с большой новостью! – еще на ходу проговорил Черенин, спеша сообщить жене радостную весть. – Я назначен директором нашего банка.

– Ты, Митя? Директором! – взволнованно, словно не смея верить этому известию, проронила молодая женщина, и щечки ее залились яркой краской.

– Пятнадцать тысяч в год и два процента с чистой прибыли! – продолжал Черенин слегка приподнятым торжественным тоном. – Это, Катя, значит еще по меньшей мере десять тысяч!.. Контракт на три года...

И, присевши на диван, Черенин обнял жену и, целуя ее пухлую атласную щеку, на которой чернело маленькое родимое пятнышко, весело промолвил своим мягким, несколько певучим голосом:

– Ну, что, довольна, Катя, а?

Праздный вопрос!

Она в первую минуту совсем обомлела от радости, эта миниатюрная женщина с большими кроткими глазами, и смотрела на мужа с выражением гордости и любви. Она страстно его любила, но успех его, казалось, еще усиливал ее чувство уважения и благоговейного восторга к этому красивому, статному брюнету в темном кургузом вестоне, с кудрявой головой и большой черной бородой, – свежему, румяному и веселому, казавшемуся совсем молодым, несмотря на свои сорок лет.

Вместо ответа, она обвила маленькими белыми ручками шею мужа, крепко-крепко поцеловала его и горячо промолвила:

– Я рада и за тебя и за детей, голубчик...

– Не ожидала такого сюрприза, Катя?

– Не ожидала, Митя. Ведь у тебя нет связей в финансовом мире... Нет протекции... Одна светлая голова, мой милый!

– Да, у меня бабушек нет! – горделиво подтвердил Черенин. – Пять тысяч, что они мне платили четыре года, как пригласили контролером, я получал недаром. Работать я умею и

дело понимаю... Это все в банке знают... Признаться, и я не ожидал, что мне предложат такое место... Мало ли на него охотников среди родственников финансовых тузов! Однако наши банковские патриции поняли, что я дело поведу хорошо. Этот миллионер Ковригин, председатель правления, даром что мужик, а умен и умеет оценивать людей... Он, кажется, меня и предложил...

– А Крафта куда?

– Крафт уходит. Не ладил он последнее время с нашими директорами. Рутинер был этот старик немец. Рутинер и упрям. И обленился под конец. Опочил на лаврах... Да ему что? У него двести тысяч состояния... Он да старуха жена... Уедут в свой Мекленбург и будут благоденствовать.

Черенин, веселый и возбужденный, передавал жене подробности сегодняшнего дня: как утром у Крафта было бурное объяснение с Ковригиным, после которого Крафт объявил, что больше служить не намерен. Но эта угроза не подействовала, как бывало в прежнее время, и ему сказали, что его не удерживают... Вскоре после этого позвали в правление

его, Черенина, и предложили место Крафта... Он им поставил свои условия. Все было окончено в полчаса, и он вышел оттуда директором одного из крупных банков. Скоро новость эта облетела банк, и все его поздравляли... А помощник директора Линский позеленел, бедный, от злости.

– Он ждал, что его назначат?

– Вероятно... Протекция у него большая: зять одного из членов правления, племянник бывшего министра...

– Теперь он, конечно, уйдет из банка? – предусмотрительно спросила жена, у которой сейчас же явилась мысль, что Ленский будет вредить мужу.

– А не знаю... Я его выживать не стану. Во всяком случае, ему придется очень долго ждать моего места, – усмехнулся Дмитрий Александрович... Я своего места из рук не выпущу, будь покойна, Катя... С директорами ладить сумею, а главное, дело понимаю лучше их всех. Они это знают... Да, Катя, не выпущу, пока мы не отложим себе состояние!.. – решительно прибавил он.

И, словно бы желая мотивировать закон-

ность такого намерения, Черенин с одушевлением произнес:

– Как там ни рассуждай теоретически о вреде капитала, а пока деньги, к сожалению, великая сила. Они дают человеку независимость. Мы и завоюем ее для себя и для наших деток... Жизнь не книжная теория, и бедность в наши дни порок! Не правда ли, моя родная?..

Маленькая женщина лишь сочувственно улыбалась в ответ на эти здравые речи, вся переполненная счастьем за мужа и за детей. Разумеется, она ни разу не вспомнила теперь об иных, совсем иных, горячих и восторженных речах своего мужа, которые когда-то заставляли биться ее сердце и волновали все ее существо...

Они заговорили о том, как устроят жизнь при новом материальном положении, и входили в разные подробности с радостным чувством людей, впервые располагающих большими средствами. Этот разговор, видимо, доставлял им наслаждение, как детям, получившим необыкновенную игрушку.

Они решили проживать не более десяти – двенадцати тысяч в год. Этого за глаза достаточно, чтобы жить хорошо, конечно, не особенно роскошествуя, но и не отказывая себе ни в чем. Остальные деньги они будут откладывать, помещая их в солидные бумаги. Лет через десять у них будет не менее полутора – ста тысяч, т.е. тысяч девять годового дохода. А будут дела банка хороши, и процентное вознаграждение увеличится, следовательно, и отложить можно более. Он надеется, что так и случится.

Квартиру они с осени переменяют, возьмут побольше, эдак комнат в восемь, чтобы у детей была большая, светлая детская с гимнастикой и отдельная классная комната с раци-

ональными столами и скамейками. Нужна тоже комната для гувернантки. Остановились на англичанке рублей в шестьсот, а француженка по-прежнему будет приходить три раза в неделю для практики. Вообще на образование детей они обратят особенное внимание и будут приглашать лучших учителей.

– На это не следует жалеть расходов. Ты ведь согласна, Катя?

– Конечно...

– Можно и лошадь свою держать, – продолжал Черенин. – Обойдемся пока одной. Купим фаэтон и сани... Ты с детьми будешь кататься, а я ездить на биржу... А лошадь куплю, конечно, серую в яблоках! – прибавил, улыбаясь, Дмитрий Александрович.

Жена его действительно когда-то мечтала о серой собственной лошади и говорила об этом мужу. А он вот теперь вспомнил!

– Милый ты мой! – шепнула Катерина Михайловна. – Надеюсь, Митя, ты только купишь смиРНую?

– Еще бы! самую смиРНую, чтоб ты не трусила за детей... Ну, а с мебелью как? Подно-

вить, что ли, или купить для гостиной новую?

Катерина Михайловна почему-то вспомнила, как еще на днях ее приятельница-кузина, жена прокурора, хвастала своей гостиной, и нашла, что новую мебель в гостиную не мешает.

– А будуар твой, Катя, мы сделаем весь голубой... Хорошо?

– Еще бы не хорошо... Теперь есть отличные крепоны... Спасибо тебе, голубчик...

– Надеюсь, ты теперь не будешь скупиться на свои туалеты, Катя?

– Бог с ними!..

– Нет, все-таки...

– Разве я худо одеваюсь?

– Напротив, всегда мило, но тебе надо сделать несколько шикарных платьев. Я люблю, когда ты изящно одета... Ведь ты у меня такая хорошенькая маленькая женщина! – нежно прибавил Черенин, целуя руку жены.

Оба продолжали весело болтать, перескакивая с предмета на предмет и чувствуя себя какими-то именинниками. Эти двадцать пять тысяч содержания словно окрасили весь мир

в розовый цвет и словно увенчивали их редкое семейное счастье и взаимную любовь. Несмотря на десятилетнее супружество, эта маленькая, хорошо сложенная блондинка с ослепительно белым телом продолжала быть обаятельным созданием в глазах мужа.

И Катерина Михайловна, конечно, отлично знала это и с тонким кокетством любящей женщины, понимавшей обаяние своих чар, заботилась о том, чтобы продолжать нравиться мужу и быть для него не только любящей и преданной женой-другом, но и желанной любовницей. Всегда к лицу одетая, свежая и милостивая, предусмотрительно заботившаяся и о своей красоте, и о своих капотах и щегольских рубашках, – она старалась быть привлекательной как женщина, никогда не показываясь мужу в неряшливом виде. При этом она не отравляла его жизни ни ревностью, ни тиранической притязательностью, вполне доверяя мужу. И эта пара представляла собой редкое олицетворение супружеской идиллии, под тихой сенью которой свило себе гнездо мирное эгоистическое благополучие.

– Воображаю, как удивятся твои родные,

Катя? – весело промолвил Черенин.

Катерина Михайловна усмехнулась, утвердительно кивнув головкой.

– Теперь они залебезят... а помнишь, когда мы женились и жили в двух комнатах на Песках, получая семьдесят пять рублей в месяц? Как тогда каркали твои братцы и сестрицы? Как жалели тебя?.. Теперь не то будет... Да, успех покоряет людей! Теперь и твой старший братец найдет, что я очень умный человек! – с ироническим смехом заключил Черенин.

– А ты все-таки пристроишь брата Колю? Ты это сделаешь для меня, Митя?

– Пристрою, но пусть подождет... Нельзя сразу... Неловко... Надо осмотреться.

– И своего брата перевел бы к себе. Анатолий – умница... Вот бы на твое прежнее место контролером...

– Я уж думал об этом, Катя, но решил подождать... Со временем все сделаем: и Толю переведем, и твоего брата пристроим... Но пусть только твои родные не рассчитывают на места. Нельзя же насажать их всех в банк и сделать из него родственную обитель. Это было

бы совсем не умно!

Сообразительная маленькая женщина согласилась с мужем.

В эту минуту в комнату вбежали мальчик и девочка, оба красивые, свежие и веселые, в щеголеватых костюмчиках. Они радостно бросились к отцу и стали шумно его целовать, объясняя, что madame Durand [1] только что ушла, и они прибежали сюда.

Дмитрий Александрович посадил обоих к себе на колени и, с особенной нежностью глядя на них, сказал не без радостного умиления:

– Да, Катя... Вот вырастут наши голубчики, получат хорошее образование и не будут нищими... Им легко будет вступать в жизнь.

Катерина Михайловна в безмолвном восторге тихо гладила руку мужа.

А девятилетний первенец Костя, бойкий, видимо избалованный мальчуган с умными черными глазенками, похожий на отца, спросил:

– Мы разве могли быть нищими, папа?.. Я не хочу быть нищим, – прибавил он с решительным видом.

– И я не хочу!.. Ни за что не хочу! – повто-

рила младшая сестренка, похожая на херувима. – Нищие так скверно одеты. И им так холодно!

– И не будете, мои голубенькие! Не будете, мои ненаглядные! – проговорила мать, и радостные слезы показались у нее на глазах.

Паша доложила, что кушать подано. Все перешли в столовую. Обед прошел весело. Болтали и взрослые и дети. За жарким Чернин приказал подать шампанского и чокался с женой и детьми, и всех перецеловал.

– Разве сегодня именины, мама, что у нас шампанское? – спросил Костя.

– Нет, не именины... Но сегодня папа получил новое место, на котором будет получать много-много денег! – весело отвечала Катерина Михайловна.

И дети, казалось, тоже прониклись важностью того, что папа будет получать «много-много денег».

Вскоре после обеда Катерина Михайловна уехала. Ей ужасно хотелось поскорей сообщить новость матери и сестрам и похвастать перед ними успехами мужа.

– Я скоро вернусь, а ты, верно, подремлешь часок, Митя? – весело говорила она, целуя мужа.

– Попробую.

Но сегодня Черенин решительно не мог «подремать часок», что делал обыкновенно, примостившись на кушетке в комнате жены. Сон не приходил. Он побыл несколько времени с детьми, поиграл с ними и, сдав их на попечение няни, прошел в кабинет.

Сперва он присел к письменному столу, уставленному разными безделками, среди которых стояли фотографии жены и детей, и взял было только что полученный номер «Revue scientifique» [2], но Дмитрию Александровичу не читалось и не сиделось на месте. Он встал и быстрыми, нервными шагами заходил по комнате, волнуемый роем радужных мыслей.

«Отлично все устроилось. Отлично!» – мысленно повторял он, улыбаясь. Теперь счастье в руках, надо только уметь воспользоваться положением. Он должен сделаться незаменимым человеком в банке и ближе сойтись с этим умным миллионером Ковригиным! Это не трудно сделать с его умом и тактом. И он это делает. Он будет главным воротилою.

– Отлично... Отлично! – громко проговорил он, увлеченный мечтами.

И в голове Черенина уже носились проекты новых операций и мелькали грандиозные цифры ежегодной прибыли, два процента которой представляли собой внушительную цифру гораздо более предполагаемых десяти тысяч. А через несколько лет – целое состояние и независимость!

Перспектива вполне обеспеченной жизни без мелочных забот и без стеснений из-за какой-нибудь сотни рублей, – жизни с разумным комфортом, с удовлетворением духовных потребностей развитого интеллигентного человека, вкусившего от науки, – возбуждала в Черенине какое-то особенное чувство удовлетворения, впервые им испытываемое.

Слишком взволнованный от радости, он не мог сосредоточиться, и приятные мысли беспорядочно носились в его голове. Он то присаживался, то снова ходил, то думал, как расширит дело и привлечет к банку массу клиентов, как заберет постепенно в руки своих «патрициев» и подтянет служащих, то покупал мысленно дачу, хорошенькую, уютную дачу в Петергофе или в Ораниенбауме, или дарил жене изящный браслет, роскошную шубу из черно-бурых лисиц и заказывал ей сам тончайшие рубашки с кружевными кокетками, то вдруг припоминал, что ему повезло в жизни именно с тех пор, как он женился на своей хорошенькой и доброй Кате и, бросив глупую мысль существовать одной литературой и быть человеком без определенных занятий, хотя и с званием кандидата математических наук, поступил на службу в государственный банк, – как он скоро выдвинулся, благодаря своим способностям, труду и такту и через два года был уже инспектором; как перешел оттуда в частный банк, и вот теперь – директор с большим содержанием и член нескольких обществ, в которых внима-

тельно слушают, когда он там говорит своим мягким, убедительным баритоном красноречиво-деловитые речи о торговле и промышленности, о коммерческом флоте и тарифе.

– Да, ему повезло в жизни!

И снова радужные мечты и надежды, чередуясь с воспоминаниями, продолжают приятно волновать счастливого Черенина.

Не вспоминает он только о прежнем Черенине, точно его и не было, когда, полный благородных стремлений, молодой, смелый и влюбленный, он звал свою маленькую хорошенькую Катю, только что окончившую гимназию, на служение ближнему, на борьбу с невежеством, говорил искренние, горячие речи об обязанности порядочного человека быть полезным «младшим братьям» и рисовал картину их будущей трудовой, скромной жизни, не похожей на жизнь «довольных буржуа», живущих на счет народа.

И молодая девушка трепетала от восторга, готовая идти за этим дьявольски красивым брюнетом куда угодно, и добросовестно читала его политико-экономические статьи, ратовавшие за новые начала, громившие совре-

менный строй и банкocrats – этих «общественных паразитов», хотя и не всегда понимала эти статьи.

Он женился и скоро взял место, чтобы не писать, как он говорил, «из-под палки». Первое время он писал какое-то исследование, жаловался на служебный «хомут», но мало-помалу втягивался в него и тем более, чем более он приносил жалованья, забывая в заботах о собственном благополучии «служение ближнему» и значительно понижая тон своих речей. Как-то незаметно он стал солиднее и менее восприимчив, все реже и реже говорил об «обязанностях порядочного человека» и, занятый настоящим, понемногу забывал прошедшее.

Жизнь засасывала его без всяких душевных драм, а напротив, мягко и ласково, в счастье семейной жизни. Прежние друзья и приятели разбрелись. Одни, как и Черенин, успокоились, других он потерял из вида и забыл о них. Литературные знакомства давно порвались.

Шли годы, и Черенин, по-прежнему мягкий и добрый, стал уже скептически отно-

ситься к возможности «служения ближнему» и называл многое, чему прежде поклонялся, «симпатичными, но ребяческими иллюзиями, не имевшими никаких научных оснований». И он сожалел «неуравновешенных людей», оставшихся на всю жизнь «младенцами», и, почитывая в часы досуга разные серьезные книги, старался находить в них подтверждение своего скептицизма.

Но если б и тогда ему сказали, что он, прежний поклонник Маркса, автор горячих статей против капитализма, станет сам банкокрatom и дельцом, мечтающим о банковых операциях, и будет водить дружбу с Ковригинными, – Черенин первый рассмеялся бы, до того подобная будущность казалась ему невероятной, оскорбляющей его нравственное чувство.

Все это как-то исчезло из памяти. Прежние «заблуждения» не портили счастливого дня своим напоминанием.

Но судьбе, как нарочно, угодно было напомнить прошлое, напомнить совершенно неожиданно и именно в этот вечер, когда Дмитрий Александрович, ничем не смущае-

мый, переживал первые радости своего нового положения.

Черенин уже видел себя и семью на вершине благополучия, как в кабинет вошла Паша с докладом, что какой-то господин желает видеть Дмитрия Александровича.

– Кто такой?

– Извините, запамятовала фамилию! – отвечала, краснея, Паша.

– Бывал у нас?

– Нет, кажется...

– Просите сюда! – приказал Черенин и в то же время подумал, что нужно нанять лакея, а то Паша довольно-таки бестолкова: или забывает, или перевирает фамилии.

IV

При виде этого приземистого, сухощавого господина пожилых лет, с большой рыжей бородой, начинавшей седеть, одетого в черную пару, видимо сшитую неважным портным, – Черенин в первое мгновение подумал, что перед ним искатель места, продавший уже о новом его назначении, и глядел на него, не двигаясь к нему навстречу, вопросительно серьезным взглядом, каким обыкновенно глядят на незнакомых людей.

Но господин с рыжей бородой, несколько не смущенный этим взглядом, подошел к Черенину и, весело улыбаясь, протянул руку.

– Не узнаете, Дмитрий Александрыч? – проговорил он все с тою же улыбкой. – Видно, очень-таки постарел, а?..

То, что казалось давно уплывшим, забытым и словно чужим, – целая полоса жизни: молодость с ее горячей верой в свои силы и смелыми решениями труднейших вопросов жизни; шумные споры в маленькой меблированной комнате, на Васильевском острове, у этой добрейшей квартирной хозяйки, старуш-

ки Матрены Васильевны, всегда широко открывавшей кредит студентам и молодым людям без определенных занятий; жидкий чай с ситником и дешевая колбаса; табачный дым, возбужденные лица приятелей, собравшихся вместе прочесть хорошую книжку или статью интересного писателя; толки о народе и обещания послужить ему, – все это пронеслось в памяти Черенина с быстротой молнии в те мгновения, когда он всматривался в худощавое, некрасивое, но привлекательное лицо господина с рыжей бородой...

И этот высокий открытый лоб, и длинный нос, и непокорные вихры волнистых волос, и особенно эти лучистые голубые глаза, большие и добрые, точно глядевшие изнутри, из самой души, ясным правдивым взором, – теперь казались Черенину хорошо знакомыми; но он все-таки не мог припомнить и назвать фамилию того, кто так горячо пожимал его руку, и сконфуженно недоумевал, стараясь припомнить.

– Чернопольский! Иван Чернопольский!.. Вспомнили теперь старого приятеля? – произнес гость с веселым смехом и, потянувшись

первым, троекратно облобызался с Дмитрием Александровичем.

Иван Чернопольский?!

Это имя тотчас же напомнило Черенину бывшего товарища и приятеля, этого редкого добряка, всегда за кого-нибудь хлопотавшего, всегда готового уступить свой урок более нуждавшемуся, хотя более нуждаться, чем всегда нуждался бедный, как Ир.Чернопольский, казалось, было трудно.

– Вот никак не ожидал встретить! Откуда? Какими судьбами? – восклицал Черенин, радостно пожимая снова руки Чернопольского.

Он искренне обрадовался и в то же время чувствовал какую-то неловкость при виде приятеля, напоминавшего ему молодость.

– Но как же вы изменились! Я ни за что бы вас не у жал.

– Еще бы! Целых двенадцать лет не видались... Воды-то утекло много!

– Да... много! – задумчиво повторил Черенин.

– А вы так мало постарели. Такой же молодец... Вот только брюшко как будто собираетесь завести! – прибавил, добродушно улыба-

ьясь, Чернопольский.

Они уселись и первую минуту молча оглядывали друг друга, словно бы каждый вспоминал в другом прошедшее и пытался угадать, что с каждым из них сделала жизнь и настоящим.

– Ну, рассказывайте, как вы живете, что делаете, Дмитрий Александрович? Ведь я в своей глуши ничего о вас не знаю. Слышал давно еще, что вы женились...

– Как же, женат, двое детей... Тяну хомут, как и все... Служу...

– Служите?

– Да, в частном банке! – отвечал Черенин и почему-то умолчал о своем новом назначении.

– А литература? Разве не пишете? Я и то удивлялся, что уж давно не встречаю вашего имени в журналах... У вас такие славные были статьи! – горячо прибавил Чернопольский.

– Некогда... Да и не пишется...

– Вот это жаль... У вас ведь и талант был, и знания были... Право, жаль.

– Таких талантов и без меня много...

– А все-таки... Искреннее и убежденное

слово всегда полезно, а по нынешним временам и подавно... Люди как-то забывчивее за последнее время стали... и напоминать им об идеалах – доброе дело! – прибавил горячо, застенчиво краснея, Чернопольский.

«Такой же „младенец“, как и был!» – подумал Черенин и, видимо не расположенный продолжать разговор на эту тему, спросил:

– Ну, а вы как живете?.. Какой хомут носите?..

– Прежде учительствовал, но принужден был оставить педагогию... Затем был бухгалтером в N-ской думе, а теперь вот уже пять лет, как живу в деревне.

– Помещиком?

– Ну, куда помещиком! – усмехнулся Чернопольский. – Так, знаете ли, вроде фермера скорее... После смерти отца мне досталось шесть тысяч, я и бросил бухгалтерию – скука одна с ней, так, из-за жалованья служил – и купил клочок земли. Самое любезное дело... И как-то на совести покойно... Живем себе, очень скромно, конечно, но ведь я и не привык к роскоши... Жена у меня – врач: мужиков и баб лечит; ну, а я, некоторым образом,

вроде адвоката у крестьян. Кругом беднота, народ темный... ну и рады, что человек совет дает... Мы с мужиками ладим. В гласные меня выбрали... Трое детей, ребята славные... Старшему уж девять лет... Соседи есть: порядочные люди... И духовную пищу вкушаем... Да, вот так и живем себе и судьбой довольны, поскольку может быть доволен наш брат, когда-то мечтавший горы сдвинуть! – прибавил с грустной усмешкой Чернопольский.

И Черенин на минуту задумался.

– Надолго сюда? – спросил он.

– Недельки на две, я думаю. Я ведь сюда по делу.

– По делу? Какое же у вас дело, Иван Андреич?

– Не у меня, а у наших соседей-крестьян...

И Чернопольский рассказал о процессе, который уже тянется несколько лет у мужиков с бывшим их помещиком из-за земли. Дело теперь в сенате.

– Я приехал узнать о нем и посоветоваться тут с одним адвокатом...

– И вам заплатят за хлопоты?

– Что вы? Где им платить? – промолвил

Чернопольский и совсем сконфузился. – Да и как с бедноты-то брать!..

Он примолк и продолжал, словно бы оправдываясь:

– Зимой-то в деревне работы меньше. Я и прикатил сюда... Кстати и Петербург хотелось повидать, и на старых приятелей поглядеть.

Чернопольский стал было спрашивать о них, но оказалось, что ни о ком Черенин не мог дать сведений.

– А Потресова выдаете? – спрашивал Чернопольский. – Вот редкий писатель, который сохранился...

– Нет, не выдаю! – отвечал Черенин.

Оба несколько времени молчали. Оба почувствовали какую-то неловкость, какую испытывают долго не выдавшиеся люди, которые расстались в молодых годах.

Чернопольский пробовал было спрашивать о петербургских веяниях, о литературных новостях, о молодежи, но Черенин на все это отвечал как-то скупно и неопределенно, причем в словах его звучала скептическая нотка; его, по-видимому, так мало интересовали вопросы, казавшиеся его гостю важными.

ми, что Чернопольский под конец весь будто съежился, молчал и конфузился.

После получасового визита он стал прощаться.

– Куда же вы? Сейчас приедет жена. Будем чай пить! – вдруг воскликнул Черенин с необыкновенной ласковостью. – Я ведь очень рад вас видеть. Вы мне напомнили молодость! – прибавил он.

Но Чернопольский не мог остаться. Сегодня в девять часов у него назначено свидание с адвокатом.

– Вы все тот же... вечно хлопчете за других, как, помните, в старину, когда мы вас звали общим дядей...

– Ну, что вы, что вы?.. А хорошее время то было... Не правда ли?

Но Черенин промолчал и, горячо пожимая гостю руку, звал непременно Чернопольского обедать: завтра, послезавтра, когда он хочет, в шесть часов.

– Смотрите, приходите... Во всяком случае приходите... Я рад вас видеть! Очень, очень рад! – говорил возбужденно Черенин в передней.

«Милейший... младенец!» – думал Черенин, возвращаясь в кабинет. И он стал вспоминать о нем, вспоминал о себе и невольно сравнивал прежнего Черенина с нынешним.

Эти воспоминания несколько омрачили его благополучие. Что-то грустное подымалось откуда-то, со дна души, и говорило о бывших мечтах, о прежних идеалах... Где они?

Да, он изменился. Этот «младенец в сорок лет» напомнил ему прошлое и словно бы обезоруживал его скептицизм, прикрывающий индифферентных людей. Ну, так что же? Он иначе теперь смотрит на вещи и поступает по убеждению. Не делает же он ничего бесчестного, что берет хорошее место и собирается заработать себе состояние. Тысячи людей поступили бы точно так же, и совесть их так же была бы спокойна, как спокойна и его.

Так здраво рассуждал Черенин и все-таки чувствовал какую-то неловкость, нечто вроде стыда перед прежним Черениным, и, сознавая, что прежнего Черенина никогда не бу-

дет, словно бы сожалел о нем...

Он пробовал было думать о счастливом настоящем, но снова молодость проносилась перед ним. И раздумье охватило Черенина, отравляя счастливый день...

1892

мадам Дюран (*фр.*)

[^^^]

«Научного обозрения» (фр.)

[^^^]